АМЕРИКАНСКИЕ ГОРКИ, ИЛИ МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ ТРАГИЧЕСКОГО АТТРАКЦИОНА

Юлия Кисина. Бубуш. М.: АСТ, 2021. — 224 с.

Этот странный, энигматический роман художницы и писательницы Юлии Кисиной заслуживает всех перипетий, которые выпали и, вероятно, еще выпадут на его долю. Заслуживает читательских затруднений, которые могут возникнуть при попытке разгадать, что же хотел сказать автор. Заслуживает вполне справедливого недоумения филологов, которым, может быть, захочется однажды связать роман с каким-нибудь одним литературным направлением или художественным методом. Заслуживает попадания в список финалистов премии «Национальный бестселлер», которой не суждено найти своего героя в 2022 году. Но обо всем по порядку.

На главной странице минималистичного сайта Юлии Кисиной внимание сразу привлекает личный логотип: череп, по форме напоминающий палитру, а под ним — перекрещенные кисть и карандаш вместо костей. Кажется, такая пиктограмма как нельзя лучше отражает всю самобытность автора романа «Бубуш». Художница и писательница, номинант и лауреат нескольких премий в области литературы и изобразительного искусства, основоположница «Общества мертвых художников» — серии перформансов или даже спиритических сеансов, на которых велись беседы с духами М. Дюшана, И. Репина, К. Малевича. Этот последний факт биографии Юлии Кисиной очень созвучен самому началу романа: «Мы жили между призраками».

Есть в романе и более явные переключки с биографией автора: нарратор Бубуш, которую, огрубляя, можно назвать авторским альтер эго, как и сама Юлия Кисина, долгое время живет в Берлине, куда переехала из России, и тоже зарабатывает околлитературным трудом — то берется за переводы, то грезит большим романом. «Бубуш» едва ли можно считать автобиографическим произведением, но, как следует из интервью Юлии Кисиной «Независимой газете» «Ex Libris», эта «книга биографич-

на в той степени, в которой любая, даже абстрактная картина, любой литературный текст — это автопортрет».

Хотя в интервью Юлия Кисина делится некоторыми авторскими ключами к пониманию текста, сам роман создан скорее не для того, чтобы рассказывать понятную историю, а для того, чтобы запутывать, сбивать с толку, подкидывать неразрешимые задачки. Эта игра с читателем начинается уже в эпиграфе («Магии пистолета поклоняются дети и сатана. Надпись на зеркале»), который затем, ближе к концу, окажется вплетен в основной текст романа. Привыкший к тому, что эпиграф зачастую нужен, чтобы подсветить основную мысль произведения, читатель попадает на крючок и ждет объяснений от сюжета.

Но тот безжалостно и без лишних предисловий забрасывает читателя в оккупированный Париж, где в момент крупнейшей облавы времен Второй мировой войны двум еврейкам, мадам Кушнер и ее дочери Софи, чудом и хитростью удается избежать отправки в концлагерь. После долгих скитаний по Европе повзрослевшая Софи оказывается на далеком американском континенте, неудачно выходит замуж, рождает детей (или одного ребенка?), умирает (как? в каком возрасте?), но дух ее остается жить рядом с сыном Энди и его новой девушкой Бубуш.

Такое имя для возлюбленной писатель, «живой классик» Энди выбрал сам. В нем слышится *babushka doll* или просто *babushka*. Энди, жителю Сан-Франциско, американцу по рождению, для полного счастья нужна европейская женщина. В своей русской Бубуш из Берлина он ищет черты матери: просит красить губы кроваво-красной помадой и радуется платью по моде шестидесятых. Бубуш ощущает присутствие мадам Кушнер (в замужестве — мадам Шварц), которая живет на крыше их с Энди квартирки.

У Бубуш есть сын, он болен шизофренией, и можно подумать, что она бежит из Берлина не столько к своему жениху Энди, сколько от юноши, который с минуты на минуту ждет появления злобных салафитов и наступления шариата по всей Европе. Однако подобные бредовые, как считает Бубуш, идеи высказывает и Энди. Больше джихадистов он боится только, что Бубуш его бросит — это для него равносильно смерти. Чтобы себя обезопасить, он, не гнушаясь грязными манипуляциями, контролирует каждый шаг возлюбленной — новогоднее поздравление родителям Бубуш пишет по-английски, чтобы Энди точно знал, что это не письмо любовнику — и держит ее взаперти. И вот уже красное писательское кресло Энди становится инквизиторским.

Получается, Бубуш бросает сына-шизофреника, чтобы стать заменителем матери для шизофренически ревнивого жениха. Интрига романа, который поначалу воспринимается как рассказ о травме еврейского народа, состоит в том, сможет ли Бубуш вырваться из этого порочного круга, вынесет ли долгую поездку на американских горках, которую ей устраивает то гневный, то обожающий возлюбленный, сможет ли выйти живой из мертвой петли аттракциона, в который, по словам Энди, рано или поздно превращается любая трагедия. Но это лишь одно из возможных решений загадки, предложенной Юлией Кисиной.

Вопрос об эстетической принадлежности романа — головоломка из той же серии. С одной стороны, близость, соприкосновение мира живых с миром мертвых и звук гремящих костей на фоне позволяют отнести «Бубуш» к образчикам магического реализма. В дополнение к Софи Кушнер на страницах романа появляется еще один призрак — Фэнтези. Энди утверждает, что это его бывшая девушка, которая очень болезненно переносит разрыв. Фэнтези терроризирует бедного писателя всеми возможными способами: обрывает телефон, засыпает письмами, караулит под дверь, — но постепенно становится ясно, что она лишь плод его фантазии.

С другой стороны, в романе явно присутствуют оттенки абсурдизма: достаточно вспомнить эпиграф, который уравнивает детей и сатану, или историю несостоявшегося писателя Чубовски, который был без ума от Чарльза Буковски и надеялся, «что тот его трахнет и оплодотворит великим талантом».

Нельзя не отметить, что мир романа сам по себе очень литературоцентричен. В одном пространстве здесь сосуществуют Т. Манн, М. Пруст, Г. Флобер, П. Мериме, О. де Бальзак, Л. Толстой... Но почетное место в этом ряду занимает, кажется, Дж. Керуак, которого Энди мечтает подсадить на литературном олимпе. Алкоголизм (пусть даже побежденный), наркотики на улицах Сан-Франциско, отсутствие претензий на линейность повествования — так в романе отдана дань уважения эстетике битнической литературы.

А еще в книге очень много красного цвета: красная помада, красные занавески, красное кресло, красная кровь на месте разбитого зеркала, который обычно связывают с самыми разными эмоциями: страхом, любовью, страстью. В этом смысле «Бубуш» можно было бы рассматривать и как продолжение символистской традиции. При таком разнообразии художественных методов в рамках одного произведения в отношении романа «Бубуш» напрашивается еще одно определение на букву Э — эклектичный.

Продолжать список эпитетов хочется парами антиномий: «Бубуш» — роман запутывающий, но не путаный по замыслу, затейливый, но не вычурный в плане языка, глубокий, но не претенциозный в том, что касается фабулы.

Антиномична же и ситуация с попаданием романа в список финалистов «Нацбеста», не получившего окончательной развязки в 2022-м — антиномичном — году. Гадать, насколько велики были бы шансы «Бубуш» получить звание национального бестселлера — дело неблагодарное, но думается, что при благоприятном для романа (и Юлии Кисиной) исходе читающая публика встретила бы решение жюри скорее с одобрением, чем с негодованием.

Юлия ПУГАЧЕНКОВА